

Ирина Дробилко



ДОРОГА ДЛИНОЮ В СТО ЛЕТ

Рассказы

Ирина Дробилко

Дорога длиною в сто лет. Рассказы

«Издательские решения»

Дробилко И.

Дорога длиною в сто лет. Рассказы / И. Дробилко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936048-9

Дорога без начала и конца. На ее пути семь исцеляющих историй о женщинах, превращающих сказку в быль, быль в сказку, один день в сто лет, а сто лет в один миг. Женщина — орудие Бога, которым он наказывает и награждает. Ее слабость есть самая великая сила на земле. Посвящается Женщине!

ISBN 978-5-44-936048-9

© Дробилко И.
© Издательские решения

Содержание

Сказка о женском счастье	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	15
Глава 6	19
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Чудачка	26
Часть 1	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дорога длиною в сто лет Рассказы

Ирина Дробилко

© Ирина Дробилко, 2018

ISBN 978-5-4493-6048-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказка о женском счастье

Глава 1

«Это надо же сказать мне такое прямо в глаза: ты у меня не одна! Негодяй... Подлец... И даже не извинился... не одна... Да сколько тебе нужно, кобель ты блудливый? Ну, собирай, собиратель, пока собиралка не переполнилась. Посмотрим, в каком яйце твое счастье запрягано», – с этими мыслями бежала я от своего приятеля, не замечая даже недовольство погоды, которая изливалась на меня полотно дождя и гроыхала как треклятая. А мне что ее недовольство, я как статуя свободы – ни любви, ни сострадания, ни жалости, один вид грациозный. То ли смысл жизни потеряла, то ли вкус, понять не могу. Но состояние такое – хоть в петлю. И что нам, женщинам, надобно для счастья? Все нам ни так, все нам ни этак. Любимого нет – проблема в его отсутствии, любимый есть – проблема в нем. Где золотая середина, – бог его знает. Видимо, каждому свое.

Пока летела да в мыслях своих рылась, не заметила, что мрачные грозовые тучи развеялись, гром утих, а дождя как не бывало. Но главное – радость на сердце появилась. Непостижимо! Откуда настроение взялось? Чувства нежности переполняют, душа в полет рвется, ноги «би хапи» исполняют. Я запрокинула голову ввысь, а там..... по всему лазурному небу разлилась чарующая улыбка солнечного существа, столько счастья! До бесконечности!

– И это все мне?– спрашиваю у Солнца.

– Тебе, – отвечает щедрое светило.

– А куда мне столько? Я не унесу.

– А ты возьми на тех, кого любишь, – предложило мне ясное существо.

– Твоя правда, отчего же не поделиться счастьем с другими? Только как мне его донести?

– В улыбке, – говорит Солнце. В ней счастье не растеряешь, всем хватит, еще и останется.

– Верно. Как я сама не догадалась!

Послушалась я Солнце, приняла его дар – улыбнулась, и пошла дальше.

Пока шла, всей округе счастье раздавала, домой пришла, к соседке постучалась – и та обогатилась. Всех друзей, родных обошла – им улыбнулась. Всем от счастья проку было. А оно все не заканчивается.

Вот тут и пришла мне в голову мысль – чего это я счастье от милого ждала, оно, оказывается, и без него существует. Может мне, напротив, с ним поделиться?

– Долго раздумываешь, – слышу внутренний голос.

– Я адрес вспоминаю для отправки, – отвечаю.

Назвала адрес, описала все достоинства ненаглядного, и отправилось счастье к тому, кто сердцу моему дорог. Думала на том мои несчастья закончились.

Только слышу, в углу комнаты кто-то притаился и всхлипывает от слез. Я руками пощуповила – никого. Но сердцем чувю – счастье в мой дом вернулось.

– Что случилось? Почему назад воротилась и к тому же со слезами? – спрашиваю.

Отвечает мне оно:

– Стучало, стучало я в двери, стояло, стояло у порога, но так никто и не открыл мне.

А возвращаться назад боюсь. Ты же расстроишься? А жизнь людей омрачать супротив воли моей.

– Что ты милое, я тебе всегда рада, – успокоила я его.

– Правда? Ты не опечалилась?

– Этого я не сказала. Но от счастья отказаться – нужно совсем головы не иметь.

– Коли так, можно я в твоём доме навсегда останусь?

– Вот те раз... вот так диво: счастье в доме поселилось, да ещё и на всю жизнь. Небывалое. Вот только, сама видишь, тесно у меня. Если тебя не пугает мой скромный приют – добро пожаловать.

– Спасибо, милая. А по поводу комфорта – не тревожься. Не забывай кто я. За милость твою будет у тебя все, что захочешь. Только пожелай.

Задумалась я, а потом и говорю:

– Доброе ты, счастье. Да только если б я знала, чего хочу, наверное, и без тебя бы обошлась.

– Великая женская глупость! К тебе счастье само в дом пришло, а ты его принять не можешь.

– Да как же тебя принять, коли условий достойных для такого чувства, как ты, в моём доме нет.

– А ты не печалься напрасно, – говорит моя новая сожительница, – дело поправимое. Только поступай как я велю и не жалея ни о чём.

– Всего то?

– Вижу, что согласна. Тогда начнем.

– Что начнем?

– Познавать чего ты хочешь.

– По рукам. С чего начнем?

– Выйди ранним утром в поле, по траве погуляй, ноги росой омой, а когда вернешься, я решу, что тебе предложить.

Глава 2

Проснулась я утром рано-рано, солнце еще только глаза раскрывало да восход лишь намечало. А я уже в поле. Сандалии скинула – и по траве. Бегууууу, земля подо мной проминается, ноги прохладу чувствуют, а голова – словно сосуд пустой и прозрачный. Хорошо так, легко на душе. Глянула в небо, и засмеялась. Рассвет с таким выражением солнца мне еще встречать не доводилось – Светило словно озадачили.

– Эй, ты, в небе, уста свои, – кричу, – растяни до ушей, а то у людей день не задастся. Чему удивляется ваша Светлость?

– Да вот, не привыкло, чтобы люди раньше меня вставали.

– А мне счастье так велело.

– Что ж, ему виднее. Удачи тебе!

– Спасибо, – приняла я солнечное пожелание и отправилась домой. Иду, а на ногах будто корни отросли и в землю тянут. Ветер дунул, а я как вкопанная. Захожу домой и вижу – счастье повисло в воздухе и улыбается:

– Хорошо, – говорит, – что не поленилась и послушалась моего совета. Вижу, что не зря у тебя осталось.

– Изволь спросить: «Почему ты меня выбрало?»

– Легка ты на подъем и решительна. Счастье на печи не лежит. Меня либо искать надо, либо заслужить. Ленивым я не по зубам.

– Не простое ты, оказывается, чувство. Но я вроде и не заслужила, и не искала, ты само ко мне пришло.

– Счастье заслуживает каждый. А то, что не искала, лукавишь. Но не будь я счастьем, чтобы не отличать настоящих желаний людей от заблуждений.

– Допустим. Но ты скажешь мне, чего я хочу?

– Не время тебе еще знать. Завтра рано утром пойдешь на реку воздухом подышишь, что над речкой стелется. А потом может и скажу.

– Надо так надо, – говорю, и принялась по дому хлопотать.

Проснулась я и на следующий день рано утром и к реке, как счастье велело. Спустилась в низину, смотрю – туман седой по воде разгуливает.

– Эй, – говорю, – чего колобродишь, сединой трясешь да воды старишь?

– Хм, – удивился туман раннему визиту человека, но ответил, – так в седине мудрость моя. Из воды тепло поднимается да в прохладе закаляется, в мудрость сгущается.

– Ах вот в чем дело! Счастье меня отправила мудростью напитаться. Умно, не поспоришь. Только зачем мне столько мудрости, не понимаю.

– Ты подходи ближе, – предложил туман. – Здесь у берега и поболтаем, а заодно и парами моими насытишься.

Провела я с ним четверть часа, смотрю солнце все выше, а туман все реже. «Пора», – думаю. А солнце снова завидело меня, и спрашивает:

– Да ты и впрямь счастьем доверилась?

– Отчего же не довериться? Познать в чем оно, кому же не хочется.

– Дело твое. Да только имей в виду: познавший счастье обретает в том несчастье.

– Лучше быть несчастной от познания счастья, чем несчастной от его вечного неимения.

– Умно. Тогда ступай следом за мной. Я тебе кое-что покажу. Но путь будет долгим и не легким. Ты готова?

– Коли решила, чего теперь пятиться, – отвечаю.

И отправилась я за солнцем. А оно все выше и выше, в поле вывело, палит, не щадит, всему миру улыбается, а мне не до улыбок.

- Устала? – спрашивает.
- А чего ты хочешь, чтобы я ответила?
- Правду.
- Устала, коли хочешь знать.
- Назад пойдешь?
- Как можно пройти полпути, да еще такого знойного, а теперь назад?
- Так холодком возвращаться будешь.
- Давай веди, нечего меня искушать.

Глава 3

Только я произнесла свою волю, смотрю – облака в небе явились да стучаться стали. Бегут перистые, солнце прячут, а я без него куда? Пути своего нет, только за ним и следовала. А облака все гуще, темно в поле стало. Гром как грянет. Вот и дождь полил. Куда деваться?

Смотрю – хижина стоит, без окон, без дверей, соломой крытая.

– Долго раздумываешь, – слышу опять голос.

– Так я дорогу ищу.

Подхожу к хижине – никто не выходит. Куда стучаться, если ни дверей, ни окон – не разумею. Вдруг вижу в стене хижины будто кусок стены кто-то в сторону сдвинул и открылся передо мной вход. Долго раздумывать не пришлось, погода не позволяла. Вошла я в хижину.

– Эй, – кричу, – есть кто в «хоромах»?

И голос такой сухой из глубины жилища мне:

– Вошла на порог, так зайди и за него.

Сделала я еще несколько шагов и открылись передо мной двери. В какую из них податься, – не ведомо.

– Эй, – говорю, – а куда дальше? Налево, направо или прямо?

И слышу кто-то совсем рядом отзывается:

– Коли устала, так налево поди, там приют найдешь и в порядок себя приведешь, коли голодна – прямо ступай, хорчей отведай, одним словом, будь как дома.

А про третью дверь умолчали. Не удержалась я от любопытства и снова спрашиваю:

– А что за третьей дверью? Могу я в нее войти?

– С тебя и двух хватит – строго отвечает мне мужской голос.

– Ладно, – говорю, – дорога и впрямь была нелегкой. Пойду, усталость смою, – и повернула направо.

Открываю дверь – а меня темень встречает. Чуть было не расстроилась. Только я шагнула за порог двери, а комнату как озарит, но не светом лампочки, а мелкими золотистыми искрами. Стою и диву даюсь интерьеру, что развернулся передо мной. Вот тебе и хижина! Вот те и соломенная! По стенам птицы райские гуляют, с каждого уголка звуки леса доносятся, а под ногами ручьи журчат да трава мягкая стелется. Стою посреди комнаты, во все стороны оглядываюсь. Ну, чудеса, – думаю. Что за кудесник живет в хижине? Голову опускаю и вижу – с ручьев дымка поднимается. По комнате аромат пополз – легкий, нежный, посыпались на меня лепестки цветов и давай кружить под музыку. Вдруг мне стыдно стало. Гляжу на себя – нагая стою.

– Где это мои одежды? – возмутилась, – что за шуточки?

Но в следующих превращениях уже не до стыда было: облепили лепестки все мое тело, словно чешуя, тепло стало. Чувствую, ноги от пола отрываются, и я поплыла. Уложили меня, раскатали одним блином, похлопали, погладили, почесали, со всех сторон постукали – снова замесили. Я и впрямь как тесто: во все положения поддаюсь, все формы принимаю. Скоро все стихло: и «баня», и музыка. А в теле такая чистота и легкость – словно вновь народилась. Разыскала я зеркало, смотрю на себя и глазам не верю: ладно стройная, как осинка, ладно свежая как розинка, пусть одежды на мне такие, словно меня в рай пригласили, но то, что лицо мое радость несусветную отражает – поразила.

– Не уж-то, – думаю, – счастье мое нашлось. И вдруг слышу голос:

– Не спешి выводы делать. Всего лишь передышка в твоей жизни. Отдохни от трудов своих в поиске счастья, а то измотаешься и не рада мне будешь.

– Так ты меня не покидаешь, о, светлая полоса моей жизни? – задаю вопрос голосу.

– Ты помнишь мое условие, которое я тебе выставила прежде, чем ты мне доверилась?

– Ты это про что? Не о тех ли словах «делай как я велю и не жалею не о чем»?

– Значит, не забыла. Вот и славно. Не о чем не жалеешь?

– Пока ничего не потеряла, чтобы жалеть.

– Ну, тогда я исчезаю.

– Надолго?

– Все зависит от тебя самой. Пока ты помнишь обо мне, я не вмешиваюсь в жизнь твою.

А как забывать станешь, напомню о себе.

И счастье улетучилось.

Ну что ж, – думаю, – выгляжу я как новорожденная, можно и подкрепиться, – и отправилась туда, откуда источался букет редких ароматов.

Кухня была небольшой и мало освещенной. По правую сторону топчан сосновый стоял и манил работой ладной, посреди стол дубовый с тремя стульями разного размера позабавили. Они имитировали сцену из сказки «Маша и три медведя». На краю стола стоял столовый прибор чудной росписи, а по центру – круглый шарообразный предмет серебристого цвета в разноцветный горошек. Я приняла его за светильник. Стук дождя напомнил о непогоде и я, запрокинув голову вверх, увидела прозрачный потолок, через который проглядывала мокрая тьма. «Чайку бы горячего, – подумалось. И вдруг шар засветился и разлился звуками колокольчиков и бубенчиков. Из центра шара выплыла чайная пара, распространяя изысканный аромат терпкого напитка. Шар голосом колокольчика пробубонел: «приятного чаепития».

– Ой, спасибо. Очень кстати, – обрадовалась я. – Отыскать бы теперь откуда запах сдобы сочиться. С удовольствием съела бы что-нибудь. Кажется, мне позволили быть как дома, – вспомнила я и стала отыскивать, чем подкрепиться.

В левом дальнем углу кухни стоял самый что ни на есть натуральный крупный пень, но побывавший в мастеровых руках. Он хорошо вписывался в сказочный интерьер. На нем стоял полупрозрачный предмет яйцеобразной формы, по которому бегали голубоватые молнии. Не успела я изучить его, слышу – шаги за спиной. В комнату кто-то вошел. Обернулась – мужичок у двери, маленький, но крепенький. Лоб как у мудреца – высокий, открытый, глаза большие, но печальные, а во взгляде – огонек еле уловимый, так и ждет случая разгореться. Подошел хозяин к пеньку, приложил руку к яйцеобразному предмету, он и раздвоился. Вынул хозяин пирог прямо на тарелке, и поставил на стол.

– Напитки из шара бери, цветной горошек на нем – это выбор напитков, в пеньке – продукты, в эллипсе – кулинарные яства, и показал рукой на яйцо. Доставай, ешь, пей, на меня не смотри, не хватит, с погребка достану, – произносил он свои слова твердым голосом.

«Ой, – думаю, – сердитый какой! Может без счастья живет, как и я?». Но не будь я женщиной, чтобы не заметить в нем волнение от появления в доме гостя. Я оставила свое наблюдение при себе, а ему говорю:

– Ты чего неласковый такой? Мог бы и стол накрыть. Гости у тебя все же. Или ты оди-чал тут?

– На каждого гостя доброты не хватит, – отвечает мужичок и даже не улыбнется. – Гость что? Пришел, свою жизнь принес, раскинул ее передо мной как скатерть самобранку. Через день-другой собрался и ушел, а ты с его радостями и печалью, болью и заботами остался. Только начнешь привыкать, а уж пора прощаться. Не хочу больше жить чужими судьбами, оттого дружелюбие мое иссохло.

– Понятно. Расставаться не любишь, привязываешься ко всему, как собственному, а ведь в этой жизни все Богом дается.

– Не очень старайся меня уму-разуму учить, как-нибудь сам разберусь, – говорит мужичок грозно. – Лучше подкрепись, а в душу мне не лезь.

– Ладно, – говорю, – не полезу. Зачем мне душа твоя. Свою бы спасти. Чайку со мной попьешь?

- Это можно.
- Скажи, а где ты в поле электричество берешь? И чем дом отапливаешь?
- Есть на Земле много интересного, отчего польза людям без вреда природе. Я использую солнечную энергию.
- А что это за странный овал на пеньке?
- Не странный он, а особой технологии, как и пенек.
- В чем же их особенность?
- Пенек работает по принципу сохранения природной энергии. Продукты, помещенные в него, сохраняются в естественном состоянии столько, сколько нужно. А эллиптический предмет и шар на столе – техника будущего, работает на человеческой энергии со сбережением. В присутствии одного человека можно приготовить до 5 раз в день на каждом приборе.
- Вот как? Да ты гений, как я погляжу. А «чистка» в причудливой комнате, что со мной происходила – тоже элемент особой технологии?
- Это комната для гостей. Но чудесным «боком» она поворачивается не для всех. Характер у нее имеется, а потому для каждого гостя у нее своя обстановка. Комната запрограммирована таким образом, что преобразуется в нужный интерьер в зависимости от состояния человеческой души и его желаний.
- В зависимости от желаний я еще могу понять, а вот как от душевного состояния комната видоизменяется – пока не разумею.
- Не всем позволено мои идеи из стен хижины выносить. Я их для особого случая берегу.
- Да, хитро ты задумал, хижина снаружи скромно выглядит, соломой крыта, да и внутри не всем рада одинакова.
- Хижина – всего лишь стиль, соломенная крыша – из натурального природного камня с имитацией «под солтому» – источник света и тепла.
- Круто. А чего в жизни не применяешь свои способности? Чего от людей прячешься?
- Всему свое время. Не готово общество для таких технологий. Они слишком просты и не требуют больших затрат, в этом их недостаток. Пока люди еще ориентированы на другие ценности. И не прячусь я вовсе – двери мои всегда открыты, никто мимо не прошел.
- И многих к тебе заносит?
- Достаточно, чтобы не одичать, – сделал хозяин акцент на последнем слове, как бы убеждая меня в моей неправоте по поводу его одинокого образа жизни.
- Не страшно тебе? Люди то все разные.
- Чаще люди добрые приходят. Оттого я и сердит, что терять их приходится. Но они путники, а я отшельник, стало быть, нам не по пути.
- А по что ходит народ, чего ищет?
- По-разному. Кто в поиске счастья, кто себя, кто любви, кто истины. Вот и ты ищешь что-нибудь, иначе бы не попала ко мне.
- Верно. В поиске я. Ищу то, чего хочу.
- В суете человек много лишнего, ненужного делает. Для чего на Землю пришел – забывает. Вот и ответ на вопрос твой, почему от людей прячусь. Только не от людей вовсе, а от жизни суетной.
- А давай я у тебя поживу. Все равно не знаю, чего хочу. И куда идти – не знаю. В душу не полезу, обещаю, лишь возьму на себя хлопоты по дому. Вместе путников встречать будем, вместе провожать.
- Поживи, – быстро согласился мужичок, – коли спешить некуда.
- Спасибо. А позволь спросить: «Откуда знания свои черпаешь? Живешь вдалеке от мира, а творишь неведанное?»
- Я наук много знаю. Не всегда жил вдалеке от людей. Из Мира ушел, чтобы не тратить время на порывы страсти. Есть у меня мечта. Вот и подался в отшельники идею разработать.

- Получается?
- Типа того.
- Здорово. А как звать тебя?
- Данилой.
- Надо же! С Данилой-Мастером познакомилась! – как было не подивиться. Много, видать, дивного меня на пути ожидает.

Глава 4

Новый жизненный опыт окрылил меня. Данила мужиком оказался справным, и руки на месте, и голова, но сухости в нем оказалось больше, чем я могла себе представить. Меня не замечал, похвалы не отпускал, взглядов косых в мою сторону не посылал, не на что не намекал.

И только когда дом посещал очередной путник – Данила менялся. Гостей он встречал ласково, все больше слушал их, а после ухода забывал про них снова. И стал Данила понимать, что личная жизнь путников его больше не трогает, она стала вместе с ними уходить. Вот тут и вспыхнул огонек в его глазах. Понял он, что чужой жизнью больше не живет, своя есть. Однажды в такой теплой беседе я говорю:

– А что Данила, детей ты не хочешь иметь?

Данила с ответом недолго думал, уложился в одно слово:

– Нет.

– Отчего же? – спрашиваю, – или не любишь их?

– Дети уходят. Людей чужих едва отпускать начал, да и то благодаря тебе, а с детьми родными – не по силам расстаться мне будет.

– Да что же ты такой собственник, ко всему привязываешься, и никак не хочешь промысла Божьего видеть. Детям мать с отцом всего лишь на Землю рождение дают, да присмотрят, пока на ноги встанут, а потом о пути их только Господь Бог ведает. А подле родителей сидеть, когда нет на то воли – не по-доброму это.

– Вот потому и не будет детей. Не переживу.

– Вроде умен ты, Данила, но в таком простом деле глупость твоя через край льется. Если так дело обстоит, то и мне от тебя пора уходить. Засохну я с тобой. Ты сам как баобаб, сбросил раз свою листву, и больше не собираешься распускаться. От тебя уже древесинной пахнет.

– Уж лучше мужику пахнуть древесиной, чем распуститься. В чем достоинство распущенных мужчин?

– Тут ты прав. Цены нет твоим премудростям. Я хотела сказать, ты расцвести не пробовал?

– Расцветать должны женщины.

– Да как же с тобой расцвести, если ты скупой. Ни комплимента, ни улыбки, ни слова доброго.

– Так и злого не отпускаю.

– Нет, Данила, так не пойдет. Свой женский долг, сам видишь, исправно несусь: забочусь, ухаживаю, на душу твою не посягаю. Да видать не тебе должна. Что злого не делаешь – не есть заслуга. Таковым быть человеку обязано. За то, что приютил меня – спасибо. Но счастья ни в твоём обществе, ни при твоём образе жизни я не обрела. Пойду дальше. Прощай!

Глава 5

На сборы я легкая, как подметило счастье. Коли решила, не передумаю. Собралась и ушла поутру, а Данила даже не вышел попрощаться.

Иду, думаю думаю, куда путь держать. Надеюсь, что больше не придется мне счастье искать, само проявится, да не тут-то было.

Из-за облачка появилось Солнце.

– Ну, как, – спрашивает, – счастье с мужичком познала?

– Какое там счастье. Чуть не усохла. Всю душу вывернула, а у него что радость, что печаль – все одним цветом. Одно его веселило – жизнь своя появилась.

– Значит не в мужчинах счастье твое.

– Значит не в них.

– И куда теперь?

– Так надеюсь ты выведешь на путь праведный.

– Богатства, славы хочешь? – спрашивает Солнце.

– Ну, коли, у меня его не было, поди не откажусь. Человеку-то всегда хочется того, чего у него нет.

– Мудро мыслишь. Не зря ты к седому туману ходила.

– Может и так. А куда мы идем?

– Никуда. Пришли уже. Ступай по тропинке, не сворачивай. Там тебя встретят. А мне пора за горизонт заходить.

– Мы увидимся?

– А куда ты без меня. До скорого.

И исчезло.

Стою опять среди поля и вижу – тропа.

– Долго собираешься, – как прежде услышала я.

Ладно, думаю, куда выведет.

Пока шла – стемнело. И тут передо мной мириады огней зажглись. Может в небо унесло? – размечталась я, вспомнив, что человеку счастье обещано только на небесах. Вдруг вижу – проявляться стало что-то впереди. Подхожу ближе. Арка с воротами резными, а на воротах надпись: «Добро пожаловать». Распахнулись они, и навстречу мне народ высыпался. А за ними – лимузин белый. Кто в нем – даже представить сложно. «Всё, – думаю, – пропала». Стою, ноги подкосились, да хорошо, что корни отрастила – упасть не дали. Не зря утром по полю бегала, а то бы сломилась я от натиска народа, что с города навстречу мне устремился. Откуда-то появились мужчины в форме – встали стеной, никого ко мне не подпускают. А я как с другой планеты – ничего не понимаю. Подрулил ко мне лимузин, вышел из него человек во фраке, дверцу заднюю открыл и говорит:

– Рады вас приветствовать, госпожа. Просим!

– Куда? – спрашиваю.

– Домой, госпожа.

«Ого, – думаю, – домой! Госпожа! Что на этот раз мне уготовлено? Эх, была, не была». И подалась я на волю судьбы.

– Ну что же, домой так домой. Поехали, – велю. А саму так и подмывает узнать, где я да кто я. Не выдержала и спрашиваю сидевшего рядом господина: «Мил человек, вы знаете кто я?»

– Самая богатая и знаменитая леди мира, – ответил он без тени удивления, словно я у него спросила «который час?»

– А чем прославилась?

– Госпожа позабыла, что у нее самая крупная в мире корпорация по добычи самоцветов? Завтра у нас выставка одного из редких самородков.

– Да ну? Вот так я. И что, сильно богатая.

– Достаточно, – безропотно отвечал мне господин.

– А вы кто?

– Ваш уполномоченный по всем вопросам.

– Ага. Так мне делать ничего не нужно?

– Совершенно. Наслаждайтесь жизнью, госпожа.

– Ладно. Попробую, – успокоилась я и подумала: «Видно для счастья так надо».

Привезли меня в особняк роскошный, размеров невероятных. Мысль в голове скачет да в покое не оставляет: «Неужто счастье обрету?»

На следующий день я уже имела в своем окружении стилиста, визажиста, модельера, массажиста, автомобиль с личным водителем, самолет с личным пилотом – в любую точку мира, в самый роскошный уголок, словом, каждый твой каприз. Меня встречали в самых достойных местах мира и обслуживали как знатную персону.

Поначалу забавно было из грязи в князи попасть. Но постепенно насыщенная комфортом жизнь стала походить на дракончика, объевшегося лакомств на шоколадной фабрике. Везде побывала, все доступно – как-то не интересно становилось. Вместо сладкой жизни захотелось солений. Чувствую, придраться к чему-нибудь хочется: то мне ни так, это ни этак. А потом и вовсе до ручки дошла – унижать стала людей. Что ни слово – то обвинение, то упрек. Все не достойны, всё не пристойно. Всех уволю, каждого казню. Чувствую – предел. Надо что-то менять.

– Долго раздумываешь, – опять слышу голос.

– Так есть над чем поразмыслить, – отвечаю.

– Может тебе власти дать?

– Давайте мне что-нибудь, не то я от скуки помру.

Села в кресло кожаное, в меха собольи обернулась, и жду. Чего жду, сама не знаю. И тут охрана докладывает мне:

– Госпожа, там у городских ворот два упрямых человека настаивают, чтобы их пропустили к вам.

– Кто такие, откуда пожаловали?

– Один смутьян, – кричит, – свобода, демократия в мире, не имеете право не пускать. А другой – покладистый, просит ему вид на жительство дать. Хочет в нашей державе остаться.

– В нашей державе?

– Так точно, госпожа. В вашем королевстве.

«Быстро я к власти пришла», – отразилась на моем лице сардоническая улыбка. – Да чего уж там. Надо так надо. Быстрее пройду, быстрее обрету, – приняла я с достоинством свое властное положение и повелела пропустить ко мне обоих желающих.

Через пятнадцать минут передо мной стояла фигура атлетическая, росту достойного, на чело темны волосы спадали да взгляд жгучий оттеняли, черты лица утонченные, уста лукавые, говорливые, оттого слегка припухшие, но тем и соблазняющие.

– Что? Не ожидал меня увидеть у власти? – смотрела я свысока на милого, который счастье мое скромное в дом не пустил. Любопытно стало, захочет ли он теперь от меня откреститься?

– Признаться, не ожидал! – не скрыл он свое удивление. – Или ты ангел, или агент засланный? Откуда такой взлет?

– Зачем пожаловал? – спрашиваю без злобы, но с осторожностью.

– Так о тебе все только и говорят. И, слава богу. Благодаря твоей известности я тебя нашел.

– С чего бы? Помнится, последний раз ты меня не держал.

– То был приступ отчаяния.

– Так я не одна у тебя, – напомнила я ему последнюю нашу встречу. – Ты меня ни с кем не перепутал?

– Ты и только ты мне нужна, – произнес он с лестью свое признание, – а кто прошлое вспомнит, тому глаз вон.

– Замуж возьмешь?

– За счастье приму.

– На руках носить будешь?

– Как пожелаешь.

– Ладно. Поживи в моих апартаментах несколько дней. Я подумаю, что делать.

– Как скажешь, дорогая.

Второго гостя я встречала в другом зале, малом.

– Как поживаешь? – спрашиваю. А сама гляжу на него и не верю глазам: мужичок из хижины «расцветать» стал, в плечах раздался, на лице улыбка появилась, лоб все так же мудрость источает, а в глазах огонек искрится.

– С тобой жизнь моя перевернулась. Оказывается, она не может быть полной без твоего участия. Решил во что бы то ни стало найти тебя. Вот, нашел.

– К чему столько стараний?

– Хочу землю в твоих владениях взять, для нас и наших детей дом построить.

– Детей? Не лукавишь ли, Данила, насчет детей? Да и дом твой мне зачем? Смотри, в каких палатах живу. Время наше с тобой прошло.

– Устроилась ты хорошо, верно. Вот и живи так, как хочется. Я пока не могу тебе руку и сердце предложить, угла своего нет.

– Чудной ты. Опоздал немного по поводу «руки и сердца». Мое сердце принадлежит другому.

– Ничего. Все в жизни проходящее и уходящее. Ты живи, как знаешь. Я много не прошу – кусочек земли всего лишь.

– Да ты всерьез решил жизнь свою поменять. Поделом: земли так земли. Завтра же получишь.

Через месяц сыграли с красавчиком свадьбу. Я все полномочия на него сложила. Надоело мне властвовать, не мое это дело. А красавчик в роль новую вошел, из шкуры лезет, себя со всех сторон позиционирует: и тут герой, и там господин, и благотворитель, и градостроитель, и справедливый, и учтивый.

Мужичок, с которым в хижине проживала, тем временем строил дом.

Через время меня вновь тоска съедать стала. Все есть, думать не о чем не надо, любимого вернула, а радости нет. Где же счастье? Что же мне так тоскливо?

Стою, в окно гляжу, вид из него – одно очарование, а уловить радость в душе не удастся. Чувствую – за спиной будто кто-то притаился.

– Кто здесь? – спрашиваю.

Тишина.

– Я знаю, что тут кто-то есть! Кто ты? – спрашиваю властно.

– Так это я, счастье твое забытое. Наконец-то вспомнила обо мне.

– Счастье? Ты вернулась? – обрадовалась я хоть чему-то за последнее время.

– Я и не уходило от тебя. Ты сама про меня позабыла.

– Что со мной, светлое чувство? Отчего радости не испытываю?

– Оттого, – отвечает мне метафизическое существо, – что утратила ты частицу себя вместе с крупницей смысла. А без них не получается полноту жизни познать. Вот и гоняешься за той частицей, вернуть хочешь.

– Да разве мужчины, богатство – не смысл жизни для женщины? Где это видано, чтобы женщина отказывалась от мужчин и богатства? А я носом ворочу. Может мне детей народить? Заботиться о них? Может бремени мне не хватает?

– Бремени тебе не хватает, точно подмечено. Но твое несчастье не в детях и даже не в их отсутствии. Ты рассматриваешь детей как вариант: «А может народить?»

– А как же еще?

– Хотеть ты должна деток, чтобы забота о них не стала тебе обузой.

– Может мне благотворительностью заняться? Что скажешь?

– Скажу, что и благотворительность не спасет тебя от тоски.

– Почему?

– Искры в тебе нет. Угасла ты. Материальные ценности вытеснили твои настоящие желания.

– И что мне делать в таком случае?

– Снова в путь. Пойдешь?

– Пойти то пойду. Только куда?

– Солнце проводит.

– А ты?

– А я не могу быть с тобой. Ты не нашла меня. Я все еще твое напоминание.

– Жаль, – с грустью отпустила я последнее слово в этот день.

Глава 6

Рано утром я уже стояла за воротами города. «Надо бы с Данилой попрощаться. Не хорошо как-то получается. Он не заслуживает такого отношения. Ну да ладно. Чего ему напоминать о себе. Может он позабыл свой обет да уже семью завел. Пусть живет себе на здоровье. Пока счастья не найду, не буду другим досаждать».

Отбросила я все мысли прочь, глянула в небо, а на нем меня уже Солнце поджидало.

– Соскучилась я, – говорит, – по тебе.

– С чего бы это? – ухмыляюсь. А сама чувствую, будто что-то родное встретила. Хорошо так на душе.

– Ты же из немногих, кто по солнцу жизнь свою строит.

– И я, оказывается, соскучилась по тебе. И куда теперь?

– Ступай двадцать две версты прямо, потом свернешь направо. Пройдешь еще одиннадцать верст. Там указатель будет. Там свернешь. Поняла?

– Чего не понять? Не из глупых, вроде.

– Ну и хорошо. Ты иди, а я вон за тем облаком побуду, чтоб тебе меньше изнывать от моих палящих лучей.

– С каких пор ты стало меня жалеть?

– Заслужила.

– Да ну? Чем же?

– А тем, что на месте не стоишь и от благ земных не зависишь.

– Льстишь ты мне. Совесть моя не чиста. Город остался в руках человека жадного, корыстного. Другого мужика с места сорвала. Он дом для меня строит, а я замуж вышла, чувств его не пощадила. И вот опять исчезла из его жизни.

– Это ничего. Ты против воли ничего не делаешь. Это все судьба. Потом все устроится. Ты себя сначала найди.

– Хорошо ты сказала, себя найди. Только как это сделать?

– О чем-нибудь мечтала в детстве?

– Спрашиваешь. В детстве все мечтают.

– А теперь?

– А теперь мечтаю найти то, чего хочу.

– Значит, найдешь, если мечтаешь.

– Хорошо бы. Надоело мне заниматься не своим делом. Хочу быть счастливой, да не получается. Все не то.

– Счастье обрести не просто даже тогда, когда оно на тебя сваливается. Его понять нужно, ощутить, а не подле себя держать.

– Что бы я без тебя делала? – с благодарностью посмотрела я на Солнце.

– Спала, – спокойно ответило оно и улыбнулось. – Ну, ступай. Дорога длинная, а я только в светлое время суток могу тебя сопровождать. Поторапливайся.

– Как скажешь, – послушалась я своего доброжелателя и отправилась под облачным небом туда, куда он велел.

Глава 7

Солнце приближалось к горизонту, когда я очутилась у порога уникального возведения спиралевидной формы, похожего на замок снежной королевы. Но в отличие от замков, которые принято считать старинными, с башнями и неприступными стенами, это сооружение имело совершенно иное зрелище: его словно слепили из снега. Необыкновенно оригинальное в своем замысле и изящно реализованное из тонкостей зодчества, оно величественно стояло под открытым небом без ворот и засовов. Казалось, сооружение состояло из одной лестницы, уводящей по спирали незнамо куда. Вместо перил лестницу ограждала белоснежная стена вся изрешеченная узорами, напоминая накрахмаленный воротничок с выбитой каймой. В эти узорчатые щели струился свет и с внутренней стороны стены создавался эффект звездочек. Этим чудесным звездопадом был усыпан весь лестничный пролет.

– Тебе сюда, – услышала я знакомый голос, который привел меня в чувства при виде такой красоты.

Я стала подниматься по ступенькам. Удивляться всему происходящему уже просто не хватало сил. Когда я поняла, что мой подъем будет долгим, ступеньки как-то неожиданно превратились в эскалатор и доставили меня на площадку, где стоял стенд со схемой данного комплекса. По чертежу прыгал солнечный луч.

– Ты видишь это? – услышала я Солнце, свет которого струился из каждого отверстия в стене.

– Здесь удивительно! – извергались из меня вопли восторга.

– Ничего удивительного. Всего лишь безумный уголок на Земле.

– Какой уголок? – переспросила я, надеясь, что не расслышала.

– Ты попала в «Обитель Безумцев», место, где не требуется работа ума. Но не пугайся, народ в нем спокойный, уравновешенный. Каждый занят делом, причем творческим – никаких автоматических действий. Тебе здесь понравится.

– Надеюсь. Не понятно, конечно, как без ума жить...

Сказав эти слова, я почувствовала, как меня озарило, в голове ясность появилась, а вместо головы, казалось, на плечах шар восседает, наполненный взбитыми сливками.

– Да, да, вот так наступает просветление. Зачем ум, этот неподъемный чемодан с барахлом, который со временем тело в крюк сворачивает, вместо того, чтобы носить на своих плечах эту воздушную массу.

– А что я забыла в этом безумном месте?

– Знания.

– Знания? Ты куда меня привел, друг Светлый? Кто сказал, что меня мучает жажда знаний? И потом, какие такие знания могут предложить безумцы? Если только научат, как прикидываться дурачком.

– Ты мыслишь в нужном направлении. Но не торопись с выводами. Иванушки тоже всегда слыли дураками, но на деле счастье им улыбалось, а те, у кого ума палата, оставались в дураках. Лучше не трать время, отправляйся в путь. Советую побывать в разных уголках этого безумного мира. Однако имей в виду – твое место на третьем этаже. Это пространство Жизни.

– А тебе откуда знать что мое, а что нет? – не сдержалась я от вмешательства в мою личную жизнь, чем вынудила своего друга узавтвить меня.

– А ты еще не поняла, что я знаю больше чем ты, если не сказать всё? Я живу где, приземлённое ты создание? Мне Земля твоя – младенец на руках, которого и согреть и приласкать и позаботиться нужно. Не перечь мне. Потом все узнаешь. Выйдешь отсюда, ни одного вопроса не останется.

Мне стало неловко за то, что слишком спешу с развитием событий.

– Прости, Светило. Я сразу тебе доверилась, а теперь вот чего-то волнуюсь.
– Э-э-э, мой авторитет под сомнение поставила, малодушная ты моя.
– Прости, – повторилась я.
– Да ладно, пройдет, обретешь новое качество жизни и не останется ничего из тех привычек, которые твоя память нацепляла за всю историю человеческого развития. Так вот в жизненном пространстве ты всем этим и займешься.

– Понятно. Надолго я здесь?

– До тех пор, пока сама не захочешь покинуть это пристанище.

– А если захочу остаться?

– Перед тем как сделать выбор остаться тебе в Обители Безумных или покинуть их мир, ты обязана будешь вернуться туда, откуда начался свой путь в поисках счастья. Чтобы окончательно понять, что человек хочет, каждому, кто получит знания без ума, позволено еще раз пережить бытие, но уже с новыми взглядами на жизнь.

– А ты меня будешь встречать, когда выйду отсюда.

– Это по мне – вести да ждать. И встретить мне труда не доставит. Как только увижу, что готова, закончится моя с тобой прогулка. Но самое главное, закончится этот примитивный способ общения на языке слов. Нелегко, скажу тебе, объясняться словами.

– А что, существуют другие способы, – сощурила я свой правый глаз, давая волю левому дотянуться ресницами до бровей. Часть моего перекошенного лица почему-то пыталась запечатлеть восторг, а часть – морщилась от подозрительности.

– Какой у тебя безобразный вид, – подметило Солнце. – Расслабься. И хватит ум напрягать. Он тебе здесь не понадобится. Тут много чего неподвластно для понимания. Не забывай! Ты в Обители Безумцев, тут всё не так.

После того, как мне напомнили о моем пребывании в странном месте, я решила отдаться воле случая, впрочем, как всегда.

– Так с чего мне начать свою безумную жизнь, не подскажешь?

– Советую начать с заведения тарелки и супа.

– Верно. Проголодалась я, слона бы проглотила.

– Справишься?

– С кем?

– Со слоном?

– Прошу прощения, заготовка ума. Это опасно?

– Нет, смешно. Ну да ладно. Пора прощаться. Вижу, что справишься.

– Без ума и не справиться. В случае поражения всегда можно списать «на дурака». Верно?

– Сама рассуди. А мне пора. Горизонт таким багровым редко увидишь. Сердится Твердь.

– До встречи, друг Светлый.

у них созданы дома некрасивых, апартаменты глупых, арена семейных проблем, качели спора и много чего еще. Побывать глупой в игровой форме, почувствовать себя некрасивой, незаметной, ощутить семейные раздоры, спорить до упада и быть побежденным у безумцев оказалось не так страшно, горько, обидно, как это может показаться. Ты просто попадаешь в среду, где каждый считает себя не лучше другого, а хуже. Задача – доказать, что он хуже. Итог поразительный – побеждает любовь. Происходит полный переворот в миропонимании привычных вещей и нивелируются понятия хорошо и плохо.

Практика – еще один способ, который нарушил мои привычные стереотипы обо всем, к чему я так привязалась в жизни. Это не было похоже на дипломную работу, диссертацию или научный труд, это была далеко не физическая работа или творческий процесс. Реальная жизнь – вот где понадобились мне мои приобретенные к этому времени знания. В ней я увидела, как Свет разлагается на спектры, которые участвуют в созидании новых форм и насколько невозможно сохранить всё материальное во времени, а потому существует сила противоположная, разрушающая. И борьба в мире вещей заключается как раз в том, какие из форм сохранить, а какие разрушить. И всё это называется иллюзией, а реальная жизнь свободна от времени, и в ней «создать и разрушить» – две силы совершенно равнозначные. Все эти когда-то намечающиеся в моей голове размышления обрели такой обзор, что покидать мир безумцев мне уже не хотелось. «Куда я с таким переворотом в голове подамся?», – задалась я вопросом на этапе моего роста. Желание стать одной из обитателей безумного населения крепло во мне с каждым разом.

Оставалось лишь одно место, которое посещают ученики перед получением статуса «обучен». Оно располагалось на пятом, но не последнем уровне сооружения. Пятый этаж оказался последним лишь в физическом мире, отсюда же начинался мир метафизический, своего рода точка пересечения двух миров. Здесь находилась уникальная лаборатория, куда допускались только те, кто на всю жизнь своим домом выбрал этот удивительный безумный мир, безграничный и безусловный. Жители пятого этажа были наставниками и учителями в познании Истины и самого себя. Ученики, чье время обучения истекло, перед кем встал выбор уйти или остаться, обязаны были пройти Ритуал Отпущения под их контролем.

Ритуал Отпущения состоял из сновидений. В лаборатории меня поместили в прозрачный шар, пронизанный внешними энергетическими потоками, и погрузили в литургический сон. Во время сна произошла перезагрузка моей памяти. Весь мой запас знаний сжался в объеме. И когда в голове появился просвет, мне вкрапили кодовое слово под названием ДОЛГ. Возвратиться в Обитель Безумцев и поселиться выше пятого этажа я могла только при одном условии – навсегда.

Так, пройдя все стадии безумства, я покидала этот уникальный мир с осознанием того, кто Я ЕСТЬ и в чем мой ДОЛГ.

Глава 9

Стоя за пределами Обители, наконец-то меня посетила всеобъемлющая радость жизни. Я покидала сей край с полным ощущением благодарности и легкой грусти. Я даже потеряла счет времени. Оказавшись за задворками безумства – я очнулась. Сколько времени я провела в мире без ума?

– Не много. Всего семь лет, – как всегда на помощь с ответом пришло Солнце.

– Семь лет? Ты шутишь? Как один день, – вступила я с ним в контакт, но уже без слов. – Я безумно рада, что ты меня встречаешь, – и тут я поймала себя на слове «безумно», которое стало все чаще присутствовать в моих мыслях.

– Как ты себя чувствуешь?

– Словно крылья отрасли.

– Знаешь, чего хочешь?

– Знаю, – уверенно ответила я и направилась туда, где меня ждали.

– Без меня дорогу найдешь?

– Теперь найду, – ответила я Солнцу знаком.

Вернулась я домой и даже не сомневалась в том, что, прежде всего, хочу объясниться с Данилой. Только о нем подумала – звонок в дверь. Открываю – стоит, да такой, будто тополек по весне поднялся – удалой да ладный, радость в лице такая, что ямочки ожили, которых на былом неподвижном лице видно не было, а в глазах – столько нежности. Ни слова не говоря, подхватил меня Данила на руки, несет, очей карих с меня не сводит, и все молчит.

– Далеко? – спрашиваю.

– Хочу показать тебе кое-что.

У дороги нас ждал конь, красивый, белый, стоит, копытом бьет да искры разноцветные выбивает, а они так и рассыпаются в воздухе сверкающим фейерверком.

Прискакали мы к месту необыкновенному: кругом птицы поют, цветы благоухают, водопады падают. Красотища! Говорит мне Данила: «Глаза тебе завяжу, можно? Хочу подарок сделать».

– Надеюсь это мое последнее чудо?

– Тебе что, не нравится жить в сказке?

– Когда душа забывает, чего она хочет, она страдает, а когда вспоминает, жизнь сказкой кажется.

Данила растянул рот в добродушной улыбке, но ничего не сказал. Завязал мне глаза, и повел. Долго ли, коротко ли мы шли, но когда он мне глаза развязал, смотрю – дом стоит, из камней натуральных, красоты неопишуемой, технологии непредсказуемой и солнце в них играет такими переливами, что ни в сказке сказать ни пером описать!

– Это чьи же каменные палаты будут? – спрашиваю.

– В этих палатах зимой без обогрева тепла хватит, а в знойное время в камнях свет отражаться будет, и прохладу сохранит в доме, и источником энергии сослужит. Принимай, хозяйка, живи и царствуй, – говорит мне Данила.

– Ну, Данила, ай да мастер! И это все мне?

– Тебе, все тебе.

– Ой, Данила. За столь щедрый подарок благодарствую. Да не заслужила я его от тебя. Бросила одного в поле, замуж вышла за другого, исчезла из твоей жизни в тот момент, когда ты для меня этот дом строил.

Данила ничего не ответил, да только чувствую я, он, будто знает, о чем я сказать хочу.

Зашли мы в дом. Усадил благодетель мой меня чуть ли не на трон и все обо мне, все обо мне печется. И то подаст, и это сделает – я и не думала, что в нем столько тепла и заботы.

– Королева моя, вот спросить тебя хочу. Дом я построил, ждал тебя столько, сколько тебе понадобилось, замуж за меня пойдешь? – еще в сто крат увеличил мое счастье Данила своим предложением.

– Данила, Данила, – с печалью в голосе говорить ему стала, – где твои проявления внимания раньше были, чего их за семью замками держал? Столько счастья мне предлагаешь, раньше бы о таком только мечтала. А теперь, вот, и не знаю, что сказать тебе, чтобы ты не подумал, будто я ненормальная, от счастья женского отказываюсь. Знал бы ты, Данила, где меня носило?

– Есть на земле только одно место, где побывав, человек от земных благ отказывается... – не договорил он свои слова, оставив их мне как догадку.

– Вот те на! Ты знаешь об этом месте? – сразил меня его ответ, слетевший так просто, словно я спросила у него, ты когда-нибудь видел небо?

– В сказку другой дороги нет. Ты думаешь, мои палаты можно было с помощью одних расчетов построить? На вдохновении его фундамент закладывался, с надеждой и верой стены возводились, со знанием того, чего я хочу, жизнь обретал мой дом, но без твоей любви не осуществил бы свою мечту.

– Значит это и есть твоя мечта, ради которой ты в отшельники подался?

– Лишь некая доля мечты. Для полного счастья не хватало того, ради кого мечту свою воплотить. И когда в моей жизни появилась ты, меня ничто не могло остановить.

– Данила, вот и не глуп ты, и на все руки мастер, а я отказать тебе хочу. Познала я, что такое временное счастье, да к вечным ценностям стремится моя душа.

– Предвидел я такой разворот событий, – говорит мне Данила, – догадывался, где ты проводила все эти годы, а потому понятен твой выбор. Но что мешает тебе остаться, родить детей и передать им свои знания здесь, в мире, где будут они жить? Зачем уходить? Истина нужна всем. И твое новое качество жизни мне лишь за счастье – я без ума от безумных женщин.

Заглянула я в глаза Даниле, а в них любви – целый океан. Не выдержала и заплакала: от СЧАСТЬЯ.

Чужака

Часть 1 Дневник

Андрей вернулся с работы раньше обычного и по признакам непоколебимой тишины понял, – дома никого нет. Лишь рыжий с блестящей шерстью клубок, блаженно дремавший в конце коридора на коврик, нехотя приоткрыл один глаз, поводит острыми ушами и, распознав в пришельце своего, снова превратился в «недвижимость».

– Ах так! – не понравилось Андрею безразличие кота. Он сбросил с себя куртку, освободился от кроссовок, и направился к домашней твари разъяснить, как себя вести. Присев на колени, хозяин дома потрепал животное за лысоватое ухо со шрамом и стал выговаривать:

– Эх, Семен, Семен, глупое ты животное, как не крути, далеко тебе до человека разумного. Но ты к глупости своей, еще и наглое, – вот это слишком. Что, поприветствовать мужика в доме тебе слабо? Анютку, значит, с лестничной площадки встречаешь. Та, только в дверях ключом зашевелит, ты уже начеку. Анята на порог, а ты у ее ног. Подхалим. Конечно, что тебе от самца? Только кусочек мяса. А к дамам, надо понимать, у тебя особое отношение. Конкуренцию мне хочешь создать, дамский любимчик, да? Предупреждаю: будешь игнорировать меня – вышвырну на улицу. Понял, хамло?

Предъявляя претензии, Андрей дернул кота за хвост. Тот взвизгнул, но с места не тронулся.

– Вот ленивый, а! Даже постоять за себя лень. Трепку над собой готов вынести, но с места не сдвинешься. Ну что ж, все правильно. Ты кто? Кот? Ко-о-т, глупое животное, – в очередной раз подчеркнул Андрей принадлежность Семена к низшему классу, – правила этикета на глупых животных не распространяются.

Андрей относился к домашним тварям как и полагалось по их природе – знай свое место, и отношение к ним не пытался менять. Но устоять перед жалостливым видом дочери, явившейся однажды с маленьким рыжим комочком в руках и умолявшей приютить этого сироту с продранном ухом в доме, он, все-таки, не смог. Как можно было отказать своей маленькой Богине в таком неприхотливом капризе! При всей своей неприязни к семейству кошачьих Андрей счел более разумным проявить милосердие. С тех пор и проживал Семен в их доме на правах члена семьи. Андрей и сам за семь лет к нему привык так, что без «глупого» существа не мыслил свое жилище.

Кот недовольно замурчал от пренебрежения хозяина, бросив ему как бы упрек, мол, дергают тут всякие за хвосты, уши, а потом обижаются, что их не встречают. Заслужить надо!

«Что, не нравится? – почувствовал его посыл Андрей. – Ты думаешь, я не догадываюсь, что ты мне сказать хочешь? Эе-е-й, глупое животное! Пара – тройка эмоций, и все на морде отражены. Тоже мне, язык, – продолжал Андрей третировать кота, дергая его то за лапу, то за хвост, то за ухо. Семену не нравилось, но он терпел, помня, что его утренний рацион не обходился без заботы хозяина. Тот вставал раньше всех в доме и не забывал наполнить миску чем-нибудь съестным. – И за что ты меня не любишь? Вроде ничего плохого тебе не делал, – обратился снова к нему Андрей. – Конечно, ты меня только по утрам терпишь, чтобы я тебе компанию составил на кухне, – озвучивал он размышление кота. – Спозаранку по пятам за мной бегаешь, а сейчас встать лень. Сразу видно – не голодный. Что, накормили? Я тоже есть хочу. Кстати, чем это так заманчиво пахнет? А где наши? Ты знаешь?»

Андрей поднялся с корточек, заглянул в комнаты, но строить догадки о месте нахождения своих домочадцев не стал. По легко уловимому аромату специй, блуждающему по квартире, Андрей решил, что покои этого жилища остались на попечении тишины не так давно. Вкусный запах пробуждал чувство голода и манил на территорию кулинарных метаморфоз. Войдя на кухню, Андрей увидел на столе фарфоровый заварной чайник и сообразил:

– Чай себе купила с новыми добавками. Вот любительница всего пахучего, – и, переведя внимание на букет бордово-белых георгин, смутился: «Это что, намек? Кот намекает, жена намекает. Все против меня. Ладно, исправлюсь, куплю тебе цветы», – принял он вызов и потянулся к записной книжке в синем «под кожу» переплете. Она лежала поверх цветного журнала с яркой обложкой. Андрей сдвинул книжку в сторону, чтобы прочесть название издания. «АСТРАЛ», – произнес он вслух и несколько огорчился: «Опять сказки о загробной жизни читает. Чудачка! Забывает себе голову чепухой».

Однако чугунная емкость на плите завладела вниманием Андрея куда больше, чем журнальная публикация. Андрей вмиг догадался, что таит эта чудо-кастрюля. Плов, приготовленный женой, он обожал. Жирный рассыпчатый рис с молодой бараниной манил своим желтым цветом, словно золотые прииски. И, достав из ящика стола деревянную ложку, рассчитанную только для плова, Андрей торопливо сложил на мелкой тарелке рисовую гору с небольшими кусочками мяса. Присев за стол он, голодный и уставший, увлекся трапезой.

Насытиться пришлось в два приема. С первого захода Андрей утолил голод, а на втором уже вкушал удовольствие. Обычно он дополнял его чтением. Но в данную минуту Андрей вспомнил, что очередное чтиво было им дочитано утром за чашкой кофе. Непрочитанной книги в домашней библиотеки не оказалось, кроме литературы жены, которой он не касался. «Что-то я запамятовал, – чуть упрекнул он себя, – возвращался домой и даже газеты не купил. Заморочили сегодня голову. Ну и клиент попался упертый».

Вспоминать рабочие проблемы совсем не хотелось, и, чтобы отвлечься от них, Андрей придвинул к себе лежащий на столе журнал. Первые страницы его увлекали слабо, – любая попытка увести человека за пределы реальности расценивалась им как обман. Но страстное увлечение жены «запредельной наукой» все же доносило до его сознания мистические истории. Так что далеким в этой не признаваемой области Андрей себя не считал. «Как это может быть интересным? – удивлялся он, листая журнал. „Научиться самогипнозу“, – прочел он название статьи, – чего только не придумают!». Содержание статьи Андрей прямо таки разминировал беглым взглядом. Это было несложно. В статье в коротко сформулированных тезисах предлагалось наладить связь с бессознательным. Строчка «чтобы установить контакт с интуицией, необходима релаксация» его и вовсе позабавила. «И дураку понятно, что расслабуха ведет к кайфу. А под кайфом тебе какие хошь премудрости откроются. Навыдумывали словечек красивых и дурачат людей».

Хозяин дома закрыл журнал и сделал движение в сторону электрочайника. Но чай заваривать передумал.

Церемония чаепития в семье была проста. Чай пили без сахара, но со сладостями. Поныряв по шкафчикам в поисках десерта, Андрей ничего не нашел. Зато он догадался о причине отсутствия жены: «Отправилась за лакомством, – после чего решил, – стоит подождать».

Пребывать в ожидании без дела – занятие удручающее. «Чтобы такого сделать плохого? – спросил он себя. – Комп, блин, виснет, надо срочно созвониться с Киrom. – И он набрал телефон знакомого. Несколько минут ушло, чтобы узнать как его дела и договориться о встрече для ремонта техники, после чего Андрей снова заскучал. Его рука неуверенно потянулась к записной книжке. Андрей, конечно, знал, что это личный дневник Ирмы, жены, и что чужие записи читать скверно. Он и не читал их никогда. – Но разок то можно, – дозволил он себе, успокаивая совесть отсутствием у жены тайн от мужа. Зная Ирму, он не допускал мысли, что у нее могут быть секреты. Она постоянно ему что-то рассказывала, да еще в таких доскональностях, что

и прессу можно было не читать, Андрей все знал от жены. Как-то он предложил Ирме избавить его от подробностей и вовсе не подумал о последствиях. Ирма здорово обиделась:

– Твое равнодушие непоколебимо. Я же женщина. Мне нужен обмен мнениями больше, чем тебе. А ты как дубовая дверь, закрываешься от меня. Ты что, хочешь, чтобы я по соседкам ходила? – сетовала жена. – И как только нам удалось с тобой двенадцать лет вместе прожить?

– Ты мне не мешаешь. Я поклонник твоих кулинарных способностей, – старался свести на нет обиду жены Андрей.

– Какой ты поклонник, ты потребитель моего творческого потенциала в кулинарном искусстве, – выражалась порой Ирма такими фразами, что у Андрея появлялся азарт над ней подтрунить. Она забавляла его своими высказываниями и своими вопросами. – Знаешь, что меня подкупает в тебе до сих пор?

– Знаю, – удивлял ее муж не менее, чем она его, – моя порядочность и моя верность.

– Это правда. Если бы не эти качества...

– Ты бы со мной уже не жила, – заканчивал он за нее предложение. Видишь, у меня, оказывается, не только недостатки, но и достоинства имеются, – посмеивался Андрей над женой, терпеливо выслушивая сотни раз стенания на счет своей сухости.

Так и жили, она примерялась с его сухостью, а он с ее стенаниями и фантазиями.

В ожидании жены с дочерью Андрей скучал. И на этот раз скука одержала верх над его порядочностью. Он открыл дневник жены. На первых страницах велись записи крылатых выражений. Андрея задела фраза «Ты ужас мира, стыд природы, упрек ты Богу на Земле». Попытавшись осмыслить строки, Андрей хмыкнул, и, будто разговаривая с блокнотом, подивился: «Упрек ты Богу, – надо же так сказать! Уникально! Не даром Пушкин прослыл гением». И, перевернув несколько страниц, остановился на описании сна: «Сегодня приснился чудесный сон!!! Цветной!!! Я так четко видела его картинки, а мои чувства помогли мне ощутить весь монтаж сна. Я еле пробудилась от блаженства. Мне приснились хорошенькие девочки, такие... просто ангелочки. Эти милые создания водили в поднебесье хоровод. Потрясающий фестиваль фей. Они были в платьицах из необыкновенно тонкого материала небесных и розоватых цветов. Я думаю, их одежды имеют особое значение. Они придали сну некую легкость, изящность, отрешенность. Последнее время я постоянно прибываю в каком-то невесомом состоянии, так и боюсь улететь, хоть якорь кидай. Но в хороводах моего воображения я не участвовала. Я только наблюдала за девушками со стороны. А потом я увидела огромное ровное поле со всходами, а посреди него тянулась широкая дорога. Всходы были ранними, потому что я их видела зелеными и низкими. А дорога превращалась то в лед, то в асфальт. Но, не смотря на перемены, я двигалась по ней быстро и уверенно. Помню, как во сне я искала молодого человека. Я точно знала, кого ищу. Сначала я попала в театр оперетты. Его покои оказались переполнены народом. Все ожидали начала представления. А я никак не могла успокоиться, все заставляла свои глаза отыскивать мне знакомый образ. Но я его так и не нашла. И какого было мое удивление, когда он отыскал меня сам. Да! Сам! После представления. Он появился неожиданно, словно из воздуха. Я спускалась по лестнице, и вдруг... он. Словно ангел. А я смотрю ему в глаза... Ах, что это были за глаза! Большие, открытые, лучистые! Завораживая меня добрым и теплым взглядом, они не предвещали катастрофы. Во взоре незнакомца я увидела что-то необъяснимое, что-то влекомое к себе. Глядя в глубину его ангельских очей, я словно открывала для себя некую тайну. Да, мои сны, мои чудесные яркие сны», – заканчивалась запись на странице.

От сна Ирмы, Андрей почувствовал пробегающий по спине холодок.

– Черт. Надеюсь это только сон, – уловил он в себе приступ ревности, – а этот пучеглазый во сне всего лишь вестник ее желаний в постижении смысла жизни, – извлек Андрей из сна вывод. Ему вдруг захотелось узнать, что еще хранил тайник жениных мыслей.

«Мои путешествия!» – начиналась другая страница с заголовка. – Торжок, со своими удивительными историческими местами и полуразрушенными церквушками. Поволжье с его уголками природы, Кишинев, Питер, Одесса...

Андрей оторвался от дневника и посмотрел на кота. Тот появился на кухне вскоре за ним, и теперь лежал неподалеку от стола и мурлыкал. «Что мурчишь? – заговорил с ним Андрей. – Интересно тебе о чем тут? Хочешь, чтобы я почитал вслух? Ладно, уговорил. Только смотри, я тут не причем. Это ты настаиваешь», – переложил он ответственность за свой нечестный поступок на кота и, растроганный записями жены, снова погрузился в чтение, позабыв об угрызениях совести.

«Никогда не думала, что бывают на Земле места, похожие на сказку. Помню, как только самолет снизил высоту, перед нами открылось уникальное зрелище. Местность выглядела райским садом. «Интересно, это она о поездке в Италию? – строил догадки Андрей. – Сказка! Рай! Хм... Вот кудесница! Приукрасит же!» – Но описание жены, или любопытство узнать, чем Ирма занималась целый месяц в гостях у старшей сестры, его влекло.

«Анютке дом Энрики очень понравился».

«Ха, один герой нарисовался», – извлекал ум Андрея подозрительные детали. Энрики доводился мужем Татьяны, сестры Ирмы, который увез ее к себе в Италию восемь лет назад. Татьяна, мал-помалу, освоив традиции и нравы итальянцев, стала звать к себе в гости младшую сестру с семьей. Но Андрей так и не решился, – дела не отпускали, да и не любил далекие путешествия. Он только дома чувствовал себя хорошо. Ирму он уговорил ехать в Италию вдвоем с дочкой. Жена долго возражала и не понимала причин упрямства Андрея, переживая за него как за ребенка. «Да что со мной могло случиться? – вспоминал он сейчас. – Вот только я скучал по ним как никогда! Причем не как мужчина, а как действительно ребенок. Не помню, чтобы такое со мной было раньше. Все-таки, куда ты отпускаешь свою жену и насколько, имеет большое значение. Теперь я их с дочерью никуда не отпущу одних. Не выдержу».

Усмирив свои воспоминания, Андрей снова принялся читать. Дальше речь шла о сестре.

«Танюшка, какая умница! Вложила в удивительный по архитектуре дом Энрики всю свою женскую заботу. Она у нас такая! Столько причудливых живых цветов во дворе, а дизайнерских уловок в виде сказочных персонажей... Жилище Танюшки и Энрики напоминает царство эльфов. Даже для взора взрослого человека такое зрелище феерично, а для ребенка так и вовсе волшебная страна», – этими словами заканчивалось описание путешествия. А ниже стояло P.S. и приписка: что я об этом думаю:

Все мои поездки надолго наполняют мою жизнь вдохновением. Сколько раз впечатления от очередного путешествия помогали мне в минуты, когда мир просто рушился под ногами, когда Земля, казалось, вращалась не вокруг собственной оси, а в мясорубке с тупым ножом. Да, такое в моей жизни тоже случается. Мне словно завязывают глаза, обрезают крылья и отпускают на волю. А какая воля без крыльев? Страшно и больно. Страшно от одной только мысли, что на Земле нет места тому, кто предпочитает летать. А больно, потому что, когда приземляешься, то чувствуешь себя той израненной птицей, у которой вместо крыльев вырастают ноги. И эти ноги не держат тело, они постоянно наталкиваются на острие камней, колдобины и... кровят. Смываешь кровь водой, а она не останавливается, обвяжешь ноги тканью, а кровь просачивается сквозь толстый слой, а все потому, что эти самые ноги нужно было закалять с детства. А мое детство... Оно такое невесомое и тоже состоит из полетов. Я помню его запахи, цвет, вольность, щедрость полей, ширь необъятного неба, но я не помню его дорог, я не видела их направлений, словно я и не ходила по человеческим тропам. Наверное, я всегда летала в облаках. Вот и Андрей обвиняет меня в том, что я живу в придуманном мной мире... Но какой же он придуманный, если я живу в нем. Он просто другой, наверное, непохожий на мир Андрея».

«Так! Упомянули мою личность», – повеселел читатель чужих мыслей, ощущая, что они как-то странно на него воздействуют, они, словно открывали ему жену в другом свете. Действительно, Ирма парила, а не жила. И это качество часто выводило Андрея из равновесия, обвиняя ее в непрактичности к жизни. Но сию минуту он так не думал. В сию минуту Андрею казалось, что он сам попал в другой мир. Вот так просто, под легким впечатлением Ирминых фантазий ему почудилось, будто его самого отрезали от земных проблем и поместили в мир надуманный, забавный, в мир, который он не признавал, но который, оказывается, существует, очень трогательный, проникновенный и приятный мир. В нем не страшно опоздать на работу, лишиться своих профессиональных способностей, клиентской базы, здесь ему не нужен ни опыт, ни поддержка единомышленников, ни силы, чтобы отстоять свои права и убеждения. В этом мире все по-другому. В нем каждый занимается тем, что ему нравится, когда ему хочется и столько, сколько ему нужно. В этом мире хватает места всем, никто не за что не борется, не враждует, но и не дружит. Здесь дружба не нужна. Она востребована там, где ты одинок. А этому миру не свойственно одиночество. В нем всегда отзовутся, помогут, подскажут, потому что все живут одной целью – все делать для других, ничего не требуя взамен. В этом и заключается само совершенство, а люди лишь стремятся познать каково быть такими.

Андрей вздрогнул:

– Фу ты! Что это было. Это что, релаксация? Связь с бессознательным? Ну и ну. Так и поверить можно во всю эту чушь. От описаний жены уйти в отключку проще простого, – стал Андрей возвращать себя в реальность. – Не пойму только, зачем ей все эти техники по гипнозу? Она сама как гипнотизер. Что там еще в ее накопителе мыслей? – все сильнее и глубже проникал он в размышления жены, а его карие глаза теперь уже с жадностью вчитывались в следующие строчки.

«Анюте исполнилось девять лет. Мы едем в Заволжье...».

«О, это к моим родителям. Так-так, посмотрим, как вам у стариков, – это вам не Италия», – помял пальцы рук Андрей с силой, отчего они захрустели. Сам он рассказать о поездке в родные края мог не много. Приедет, бывало, денек, другой, и уже назад рвется, дела неотложные его ждали. Казалось, конца и края не будет этим делам. Того же заурядного и привычного изложения о поездке к родителям Андрей рассчитывал прочесть в записях Ирмы.

«Петр Ильич, едва успели мы сойти с поезда, пригласил нас в места, где он родился и вырос. Свекор надеялся, что будет наезжать туда с сыном на рыбалку да на охоту, но Андрей уехал с тех мест давно, а если появлялся, то на очень короткий срок, так сказать, засветиться. Но я его не виню, не того склада характер у него – в лоне природы утешения искать. Он без своей мастерской жить не может».

«Мило, – изумился Андрей, – не думал, что ты, Ирма, одобряешь мой выбор. На словах я поддержку слышу редко. Оказывается, твоя критика в адрес моего ремесла – обман?» – отступил он от чтения, давая чувству удивления и признательности излиться на свободу. Андрей даже растрогался. Он встал, налил стакан воды, заглянул в него, произнес фразу удивления «Надо же!» как «Аминь», снова сел за стол, опрокинул в себя воду и, словно устранил возгорание, принялся читать дальше.

– Хочу вам, девчоночки, места показать такие, что всю жизнь помнить будете. С вами или без вас, я все одно поеду в Илюшино. Давно не был. Надо посмотреть на хозяйство, может поделаться чего пора. А вы решайте, – хотите остаться в городе с бабой Машей, – «мамка моя», – отметил Андрей, – оставайтесь. Да только в городе нашем вы ничего более не увидите, чем в своем, – увлекал нас свекор в избранные им владения природы. Мы тогда и не представляли, куда он нас зазывает.

Добрались электричкой до какой-то безлюдной станции. Сошли с электропоезда и я было решила, что дом где-то рядом. Оказалось до него еще три километра через лес. «Ну, – думаю, – заманил дед. Не заблудиться бы».

«Вот, вот, говорю же, это вам не Италия с бабочками и цветочками», – позлорадствовал Андрей.

«Пока шли, я крестила недобрым словом стаи негодяев, живущих за счет чужой крови, чьи размеры меня поражали до умопомрачения. Я от укусов мелкого комарья не нахожу защитных средств, а от таких комаров-великанов, что всю мою шею «исцеловали», вовсе думала не выживу. Но самое интересное, деду с внучкой хоть бы хны, словно и комарика в лесу не водилось.

– Вы что, яд против комаров выделяете? – завидовала я им.

– Ничего, Ирма, – успокаивал меня свекор, – покусает немного эти твари, организм примет нужную порцию жала и приобретет иммунитет.

И он оказался прав. Через пару-тройку дней я уже меньше обращала внимания на «стадо» великанов. И потом, тот воздух, изобилующий кислородом, успокаивал меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.